

Лозинский Михаил
Леонидович

Много читала стихов зарубежных поэтов и переводов Михаила Лозинского, но о самом Лозинском ничего в печати не встречала.

Подскажите, пожалуйста, где можно прочитать об этом мастере поэтического перевода.

Т. НАЛЬЧИКОВА.

Рига.

Критический обзор 1944, № 30, 20

Издательство «Прогресс» в серии «Мастера поэтического перевода» выпустило сборник «Багровое солнце». Это книга стихов зарубежных авторов в переводе Михаила Лозинского. Составитель и автор предисловия и примечаний Е. Эткинд.

М. Л. Лозинский (1886—1955) — один из основателей советской школы переводческого искусства. Вершиной его творческого пути стал перевод «Божественной комедии» Данте, за который поэт в 1946 году был удостоен Государственной премии СССР.

В книгу включены переводы произведений П. Корнеля, В. Гюго, Ш. Бодлера, Ш. Леконта де Лилля, И. Гете, Ф. Шиллера, Г. Гейне, В. Шекспира, Д. Байрона, Р. Киплинга, Лопе де Веги, Тирсо де Молины, Н. Гильена, Данте, К. Гоцци и других поэтов.

Приложение составили статьи: М. Л. Лозинский. «Искусство стихотворного перевода»; А. В. Федоров. «Из воспоминаний и размышлений — о Михаиле Леонидовиче Лозинском — человеке и мастере»; Анна Ахматова. «Слово о Лозинском», написанное в свое время для Ленинградского телевидения.

Анна АХМАТОВА

С Л О В О О Л О З И Н С К О М

С Михаилом Леонидовичем Лозинским я познакомилась в 1911 году, когда он пришел на одно из первых заседаний «Цеха поэтов». Тогда же я в первый раз услышала прочитанные им стихи. Я горда тем, что на мою долю выпала горькая радость принести и мою лепту памяти этого неповторимого, изумительного человека, который сочетал в себе сказочную выносливость, самое изящное остроумие, благородство и верность дружбе. В труде Лозинский был неутомим. Пораженный тяжелой болезнью, которая неизбежно сломила бы кого угодно, он продолжал работать и помогал другим. Когда я еще в 30-х годах навестила его в больнице, он показал мне фото своего разросшегося гипофиза и совершенно спокойно сказал: «Здесь мне скажут, когда я умру».

Он не умер тогда, и ужасная, измучившая его болезнь оказалась бессильной перед его сверхчеловеческой волей. Страшно подумать, именно тогда он предпринял подвиг своей жизни — перевод «Божественной комедии» Данте. Михаил Леонидович говорил мне: «Я хотел бы видеть «Божественную комедию» с совсем особыми иллюстрациями, чтоб изображены были знаменитые дантовские развернутые сравнения, например, возвращение счастливого игрока, окруженного толпой лстецов». Наверное, когда он переводил, все эти сцены проходили перед его умственным взором, пленяя своей бессмертной живостью и великолепием, ему было жалко, что они не в полной мере доходят до читателя. Я думаю, что не все присутствующие здесь отдадут себе отчет, что значит переводить терцины. Может быть, это наиболее трудная из переводческих работ. Когда я говорила об этом Лозинскому, он ответил: «Надо сразу, смотря на страницу, понять, как сложится перевод. Это единственный способ одолеть терцины, а переводить по строчкам — просто невозможно».

Из советов Лозинского переводчика мне хочется привести еще один, очень для него характерный. Он сказал мне: «Если вы не первая переводите что-нибудь, не читайте работу своего предшественника, пока вы не закончите свою, а то память может сыграть с вами злую шутку».

Только совсем не пони-

мающие Лозинского люди могут повторять, что перевод «Гамлета» темен, тяжел, непонятен. Задачей Михаила Леонидовича в данном случае было желание передать возраст шекспировского языка, его непростоту, на которую жалуются сами англичане.

Одновременно с «Гамлетом» и «Макбетом» Лозинский переводит испанцев, и перевод его легок и чист. Когда мы вместе смотрели «Валенсианскую вдову», я только ахнула: «Михаил Леонидович, ведь это чудо! Ни одной банальной рифмы!». Он только улыбнулся и сказал: «Кажется, да». И невозможно отделаться от ощущения, что в русском языке больше рифм, чем казалось раньше.

В трудном и благородном искусстве перевода Лозинский был для XX века тем же, чем был Жуковский для века XIX. Другим своим Михаил Леонидович был всю жизнь бесконечно предан. Он всегда и во всем был готов помогать людям, верность была самой характерной для Лозинского чертой.

Когда зарождался акмеизм и ближе Михаила Леонидовича у нас никого не было, он все же не захотел отречься от символизма, оставаясь редактором нашего журнала «Гиперборей», одним из основных членов «Цеха поэтов» и другом нам всем.

Кончая, выражаю надежду, что сегодняшний вечер станет этапом в изучении великого наследия того, кем мы вправе гордиться как человеком, другом, учителем, помощником и несравненным поэтом-переводчиком.

Когда весной сорокового года Михаил Леонидович держал корректуру моего сборника «Из шести книг», я написала ему стихи, в которых все это уже сказано:

М. Л. Лозинскому

Почти от залетейской тени,
В тот час, как рушатся

миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары, —
Чтоб та, над временами

года
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода.
Что дружбою наречена,
Мне улыбнулась так же

кротко,
Как тридцать лет тому
назад...

И сада Летнего решетка,
И ослепленный Петроград
Возникли снова в книге

этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летой
Тростник оживший

завучал.